

РЕЦЕНЗИИ И ЭССЕ

DOI: 10.22363/2313-2272-2019-19-3-553-562

Эссе о неолиберализме*

А.В. Шабага

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Макля, 6, Москва, 117198, Россия
(e-mail: schabaga@gmail.com)

Сравнение либерализма и неолиберализма показывает, что концептуальные противоречия либеральных идей возникают при гипостазировании разных форм социального бытия, поэтому политический либерализм будет так или иначе противоречить культурному либерализму, а правовой рано или поздно войдет в конфликт с экономическим. Что касается принципиальных расхождений между концепциями либерализма и неолиберализма, то они не обнаруживаются: и либерализм, и неолиберализм основываются на одних и тех же ценностях, и различия заключаются лишь в сфере их приложения. Либерализм как политическая практика предназначен в основном для внутреннего потребления, неолиберализм — для внешнего. Иными словами, неолиберализм, являясь составной частью либерализма, представляет собой внешнеполитическое измерение либеральных концептов. Внешней политике имманентно присуща агрессия: предтечами современных неолибералов следует признать ряд французских революционных правительств. В качестве доказательства укажем на внешнюю политику Конвента, которая явно переросла либеральные идеи Просвещения и была направлена на силовую реализацию либерализма в масштабе Европы. Суть либерализма проявляется в вытеснении прежних, отчасти еще традиционных социальных, политических и хозяйственных практик и замещении их унифицированными, которые должны стать нормой для всего человечества. Что касается неолибералов, то они предпочитают продвигать свое влияние посредством институционального давления, используя международные неправительственные организации, транснациональные компании, а также связанные с ними руководства ряда стран разного уровня развития. Эти организации, набирая кадры для менеджмента по всему миру и постоянно их перетасовывая, перемещая их из страны в страну, пытаются создать новую управленческую культуру, предназначенную для неолиберальной модели управления, ориентированной на глобальный масштаб. Цель неолибералов по большому счету неотличима от целей либералов (можно спорить только о средствах) и представляет ее внешнеполитическую компоненту: она заключается в реформировании социального пространства в глобальном масштабе. Внешне это выглядит как упразднение прежних государств и введение новой социально-политической системы, что можно увидеть в Евросоюзе, где прежние государства постепенно замещаются регионами и проводится социальная политика, направленная на формирование новоевропейской идентичности.

Ключевые слова: неолиберализм; либерализм; новое социальное пространство; либеральный империализм; социальные доктрины; новая идентичность

* © Шабага А.В., 2019.

Статья поступила 28.01.2019 г. Статья принята к публикации 28.02.2019 г.

Сегодня одной из внедряемых в общественное сознание концепций социального развития является неолиберализм, поэтому воздействие неолиберальных практик ощущаются практически повсеместно. И хотя неолиберализм, являясь частью либерализма, вынужден конкурировать с другими парадигмами — реалистической, марксистской, геополитической, националистической, его теоретическая модель и социальный инструментализм по-прежнему обладают хорошим потенциалом. Отчасти это объясняется сильнейшим политическим нажимом, направленным на продвижение неолиберализма, помогающего верхушке мировой элиты эффективно контролировать глобальные процессы; отчасти — его укорененностью, поскольку неолиберализм, как и любая другая социальная теория, претендующая на универсальность, имеет давнюю предысторию, насчитывающую много веков.

Этимологически либеральные концепции связаны с издревле существующим понятием свободы. Например, древние греки, рьяно отстаивавшие свою свободу от посягательств иноземцев, считали, что свобода может существовать постольку, поскольку есть несвобода. Поэтому они не только допускали существование несвободных народов, но мирились и даже оправдывали институт рабства. В силу таких кажущихся сегодня странными обстоятельств истоки античного либерализма следует искать в концепциях гражданского общества, т.е. в тех социальных феноменах и конструктах, которые предусматривали сообщество полноправных граждан. В связи с этим нужно отметить, что древние греки не стремились к противопоставлению гражданских и государственных институтов, а, напротив, выступали за их отождествление, видя в этом искомую социальную гармонию. Платон, Аристотель и ряд других греческих и римских авторов понимали под гражданским обществом прежде всего государство, полагая, что только оно может быть продуктом наличествующего или идеального гражданского общества. В этом смысле неслучайно, что, рассуждая о социальном идеале, Платон создал диалог «Государство», доказывая, что реализовать свой идеал общество может лишь в рамках государственных институтов [15. С. VIII, 544d—545a]. И хотя Платона нельзя отнести к либералам, его конструкт стал призывом к созданию общества граждан, в котором существует гармония взаимных прав и ответственности.

Значительно позже благодаря Т. Гоббсу возникло, пусть и не вполне определенное, разделение понятий государства и гражданского общества [3. С. 331]. Потом эти понятия были противопоставлены друг другу, а в дальнейшем достигли градуса противостояния. Вот как описывал вредное воздействие государства на граждан один из основателей современного либерализма У. Годвин: «Как только политические учреждения начинают указывать каждому, чем ему заниматься, все делается нехотя и с безразличием» [9. Р. 670]. Это замечание было своеобразным перетолкованием «*laissez-faire*» — максимы, восходящей к Кольберу и физиократам, стремившимся избавить хозяйственные отношения от мелочной опеки государства. Позже на этой основе был сформулирован принцип невмешательства, который был распространен и на социальные отношения, и его расширенное толкование подразумевало, что не только государство не должно произвольно регу-

ликовать общественную жизнь, но и общество не должно вмешиваться в частную жизнь граждан. Усилиями Вольтера, Ж.-Ж. Руссо и ряда других французских либералов эта идея была брошена в интеллектуальный мир Западной Европы, став теоретической основой борьбы за социальные изменения. Даже далекий от либерализма Г.В.Ф. Гегель, избрав гражданское общество в качестве объекта рассмотрения, обратил внимание на его двусоставность: «Одним принципом гражданского общества является конкретное лицо..., опосредованное только формой всеобщности, другим принципом — гражданское общество» [2. С. 289].

Усилия ученых, направленные на пропаганду гражданского общества, привели к тому, что, начиная со второй половины XIX века, его элементы стали проявляться в странах Запада. При этом рыночная компонента гражданского общества, являясь родовым пятном учения физиократов, воплотилось во фритредерстве (требовании свободной торговли), которое англичане навязывали всему миру. В результате их усилий рыночная составляющая либерализма стала доминировать над социальной, и в 1920-е годы либеральное движение Западной Европы свело весь комплекс либеральных идей к двум основным пунктам. Во-первых, к рыночным отношениям, которые были не только выделены из концепта гражданского общества, но и, по сути, стали первенствовать. И, во-вторых, к демократии, под которой понимался политический режим, где соблюдаются права человека. В результате под правами человека стали пониматься, прежде всего, права предпринимателя. В 1944 году либеральный концепт общественного устройства достиг своей вершины в книге Ф. фон Хайека «Дорога к рабству», где конкуренция противопоставлялась рабству и читателю предлагалось сделать несложный выбор из двух предложенных категорий. Из книги можно было узнать, что предназначение общества заключается в том, чтобы беречь и постоянно совершенствовать правовую систему, обеспечивающую конкурентную среду в экономике [8. С. 37]. Иными словами, социальная жизнь уподоблялась производству, а гражданское общество — организации свободных предпринимателей, производящих товары и услуги.

Из этого неявно следовало, что главным препятствием для гражданского общества оставалось государство, которое своими регулятивным вторжением не столько защищает рынок и демократию, сколько мешает их естественному развитию. Решать проблему государства либералы предполагали институционально — за счет замены ряда прежних институтов новыми. Действовали они не торопясь, но очень последовательно: за полтысячелетия, используя в качестве инструмента войны, революции и народные движения, либералам удалось радикально изменить социальный ландшафт Европы и Америки. В XVI веке они предприняли атаку на политические институты и церковь, реформативизировав, после победы в 1648 году, европейский Запад в политическом (возникновение национальных государств) и религиозном (частичная эмансипация от церкви) отношениях. Затем под удар попали институты образования и экономики (в эпоху Просвещения), когда радикальная критика прежней системы знания привела к требованиям пересмотра существовавших социально-экономических отношений. Революции в Нидерландах, Англии, Америке и Франции, с сопутствующими им разрушительными войнами, утвердили в Западной Европе и Северной Америке

новый — буржуазный — порядок, который стал быстро захватывать и сопредельные регионы. Утвердившись в XIX веке и выдержав смертельную схватку с социалистическим порядком в XX веке, либералы продолжили наступление на те традиционные ценности, что уцелели к XXI веку. Наиболее показателен в этом отношении либеральный натиск на институт семьи, кризис которой мы сегодня наблюдаем (наиболее яркий, но далеко не единственный, пример — наблюдаемая на Западе тенденция *childfree*).

Воздействуя на социальные институты и изменяя их в нужном для себя направлении, либералы достигли немалых успехов, но для сокрушения их главного врага — государства — предпринятых усилий оказалось недостаточно. Региональные сообщества не были готовы принять новую организацию социального бытия, в котором не было бы места государству в его традиционном понимании. Поэтому в качестве очередного шага в борьбе с идеей государства либералы выдвинули два «государственных» концепта, нашедших наиболее наглядное воплощение на европейском Западе: во-первых, в пропаганде, а затем в создании надгосударственных образований, первоначально трактуемых как сверхгосударства (Евросоюз); во-вторых, в концепте регионализации государств, идея которого заключается в том, чтобы совокупность слабых регионов заменило сильное государство (концепция «Европа регионов»). Формально и тот, и другой проект не отвергают идеи государства: в первом случае речь идет о создании региональных надгосударственных объединений, которые, достигнув стадии предельного развития, сольются в единую мировую сверхорганизацию, а поскольку она останется одна и ей будет не с кем конкурировать во внешнеполитическом отношении, ряд государственных функций отомрет немедленно, а остальные — по мере их замещения общественными учреждениями. Во втором случае идея заключается в том, чтобы посредством создания многочисленных межгосударственных регионов и передачи им значительной части полномочий государство размывалось изнутри, и этот социальный эксперимент в рамках концепции «Европа регионов» проводится в Евросоюзе.

Следует сказать, что неолиберальная идея европейского сверхгосударства существует давно. Проект соединенных штатов Европы был впервые озвучен В. Гюго на открытии парижского конгресса мира в 1849 году [4. С. 50]. В дальнейшие 170 лет борьба за его воплощение шла между либералами, консерваторами, анархистами и коммунистами. До I Мировой войны казалось, что основная борьба разворачивается между либералами и консерваторами, но затем в нее включились коммунисты. Это привело к тому, что в период между 1945 и 1990 годами в Европе была осуществлена попытка реализации двух проектов одновременно — коммунистического на Востоке и либерального на Западе. Последний имел непростую историю, связанную с двумя англо-саксонскими концепциями: об устройстве Европы после II Мировой войны лидеры англо-саксонского мира задумались еще в 1941 году, предложив странам антигитлеровской коалиции Атлантическую хартию. При этом истолковывали они ее по-разному: либеральной трактовке Ф. Рузвельта, выступавшего за регионализацию и институционализацию мирового

сообщества, противостояла консервативная интерпретация У. Черчилля, чья идея заключалась в создании сверхгосударств — прежде всего, англо-французского монстра, состоящего из колониальных империй обеих стран. Однако в силу несовпадения английских и французских интересов и отсутствия поддержки США концепция Черчилля оказалась столь же мертворожденной, как и предыдущая попытка объединения Англии и Франции, относящаяся к одному из эпизодов Столетней войны и связанная с именем Генриха V.

Первоначально казалось, что соперничество подходов закончится победой американской модели, поскольку она основывалась на политической, военной и финансовой мощи США. Но впоследствии выяснилось, что победа не столь очевидна, поскольку влияние идей европейских ученых и политиков внесло консервативную составляющую в либеральный концепт США. И дело здесь не столько в Черчилле, пытавшемся после войны активно влиять на американскую политику. Еще до II Мировой войны часть немецких либералов, придя к выводу о нецелесообразности требования всей совокупности человеческих свобод, перешла к отстаиванию экономических свобод. Ограничение понятия социальной свободы как своеобразный маркер консервативной компоненты стало очевидным критерием отличия неолибералов от либералов. В дальнейшем концепция уменьшения роли политической составляющей в пользу экономической была распространена по обе стороны Атлантики. Значительную роль в этом сыграло образованное в 1947 году общество «Мон Пелерин»: его основатели В. Ойкен, Л. фон Мизес, Ф. фон Хайек вместе со своими заокеанскими коллегами М. Фридманом и Дж. Бьюкененом заложили основы того направления социального развития, которое получило название «неолиберализм».

Первые попытки научного поиска нового пути либерального развития были предприняты в Германии, где ученые фрайбургской школы (В. Ойкен, Ф. Бём, А. Рюстов и др.) попытались найти выход из тупика, в котором оказалось мировое сообщество после I Мировой войны. Фрайбуржцы в ситуации, когда конфронтация между капитализмом и коммунизмом нарастала, указывали на необходимость разрешения мирового кризиса переходом на иной путь развития — свободный компромисс между социализмом и капитализмом, именуемый ордолиберализмом, в котором фрайбуржцы видели гармоничное сочетание порядка (*ordo*) и свободы (*libertas*). Это заставляло соотносить их учение со схоластическими конструкциями Фомы, особенно в той части «Суммы теологии», где Аквинат рассуждает о свободе выбора (*de libero arbitrio*) и предопределении как Божественном порядке [17. С. LXXXIII]. Однако сами представители ордолиберализма не считали предлагаемый ими путь социального развития «третьим путем». Так, Ойкен заявлял, что перед обществом стоит выбор «или—или» между централизованным управлением и конкурентным порядком [7. С. 325—326]. Сам он, как и другие фрайбуржцы, естественно, выступал за порядок. В то же время использование Ойкеном конструкции «или—или» представляет собой явную отсылку к С. Кьеркегору [6. С. 39—40] и неявную к Сократу [10. С. 164]. Из них можно заключить, что поскольку оба выбора являются не оптимальными, а просто возможными, Ойкен склонялся в пользу меньшего зла — конкурентного порядка. Отметим, что теоретический

сдвиг в сторону ограничения или «упорядочивания» свободы Ойкен и его единомышленники не считали движением в сторону капитализма. Хотя сомнений в том, что именно государство будет обеспечивать конкуренцию и осуществлять надзор за порядком вроде бы ни у кого не должно было быть.

Несмотря на то, что понятия «государственный капитализм» и «государственный социализм» были известны, по крайней мере, начиная с К. Родбертуса [16. S. 82], вводить термины «государство» и «капитализм» в свои концептуальные построения либералы считали неприличным. В 1938 году это отметил А. Рюстов на парижском коллоквиуме У. Липпмана. В противовес прозвучавшим на коллоквиуме предложениям именовать новое направление социального развития неокapитализмом или социальным либерализмом Рюстов предложил термин «неолиберализм» [13. S. 13] — либеральный общественный строй (основанный на демократии и рынке), обеспеченный мощью сильного государства [12. S. 53], правда, роль государства должна ограничиваться обеспечением правовой защиты рыночной демократии. В первую очередь, это означало, что государство должно препятствовать любым проявлениям коллективизма, которые неолибералы считали первым шагом к социализму и тоталитаризму [18. P. 38].

С 1990-х годов среди неолибералов распространилось мнение, что экономическая составляющая настолько доминантна по отношению к социальной, политической и культурной, что мировой рынок, ставший действительно глобальным, сделал необратимым торжество неолиберализма на всей планете. Наиболее показательна в этом отношении известная работа Ф. Фукуямы, где автор поспешил объявить об окончательной победе неолиберализма, который он, подобно коммунизму К. Маркса, пытался выдать за предел общественного развития. Но жизнь быстро опровергла эти надежды, и строительство на родине Фукуямы — в Соединенных Штатах — стены с Мексикой на протяжении всей трехтысячекилометровой границы с элементами военной фортификации является наглядным подтверждением того, что ни о какой победе неолиберализма не может быть и речи. Социальная действительность, будучи надежным оселком прогностической надежности этой и любых других теорий, наглядно показала ее пустопорожность. Иными словами, концепция Фукуямы, как и построения других апологетов неолиберализма, согласно которым неолиберализм — это навсегда [14], стала частью того переизбытка информации, который лишь загромождает социальное пространство и «аннулируется в эквивалентности молчания» [1. С. 126]. С другой стороны, наличие стены между соседями и даже партнерами — ранее в рамках вполне либеральной NAFTA, а теперь USMCA — является материальным показателем различий между неолиберальными и либеральными практиками (США и Мексикой соответственно).

Однако встречаются и те, кто утверждает, что есть только либерализм, а неолиберализм представляет собой выдумку. В их числе — знаменитый писатель и общественный деятель М. Варгас Льоса. В своей работе с претенциозным заглавием «Либерализм в новом тысячелетии» он утверждает, что «либерализм является теорией, которая, помимо относительно простого и четкого сочетания основных принципов, построенных вокруг защиты политической и экономической свободы

(т.е. демократии и свободы рынков), включает в себя великое множество течений и направлений. Но то, что никогда не входило в это понятие и никогда не будет включено в него, так это та карикатура на него, которую предлагают его враги под названием „неолиберализм“» [19. Р. 16—17]. Терминологическое затруднение, на которое указал Варгас, не лишено оснований: принципиальную разницу между либерализмом и неолиберализмом установить довольно трудно — оба направления, по сути, ориентированы на одни и те же ценности, главными из которых являются рынок и демократия. Можно, конечно, дать компромиссное объяснение, заключающееся в том, что неолиберализм — это современный либерализм, т.е. «нео» означает небольшие концептуальные отличия, связанные со структурными изменениями самого общества.

Попытка определить — в контексте либеральной традиции — отличия современного общества от прежнего должна привести нас к международной компоненте социальных изменений, известной как глобализация. Неолиберализм в большей степени, чем либерализм, направлен на социальную трансформацию, и его адепты стремятся распространить свое теоретическое и социально-политическое влияние до крайних пределов Земли. Иными словами, классический либерализм был по большей части ориентирован на внутреннее потребление, имея в виду эмансипацию общества от государства, а современный неолиберализм внутренняя эмансипация занимает куда меньше, чем перенос требований либерализации на регионы, далекие от его места развития, т.е. он имеет явно выраженную внешнеполитическую направленность.

Смена либерального направления социального развития на неолиберальное происходила постепенно. В XVI—XIX веках либерализм был использован в ряде стран Европы и Америки как инструмент борьбы одной части общества («третьего сословия») с другой за власть. В ходе революций и последовавших за ними войн либеральные правительства стали контролировать значительную часть мира. Таким образом, по достижении успеха либерализм не только либерализовал государства, но и сам подвергся огосударствлению — превратился в один из атрибутов новой бюрократии, вставшей на стражу либеральных порядков, заключающихся в защите рыночных отношений и демократических процедур. Такое положение дел неминуемо вело к парадоксам, когда правительства, проповедовавшие либеральные ценности и выступавшие за права человека, в течение ряда лет поддерживали «охоту на ведьм» (маккартизм в США, запрет на профессию в ФРГ). В этой связи может возникнуть вопрос: не является ли либерализм тем учением, которое путает свободу с принуждением к свободе [5. С. 53]?

Объяснение подобных метаморфоз состоит в том, что, достигнув желаемого, победившие либералы меняли казавшиеся прежде незыблемыми либеральные максимы. Вот один из наиболее ярких примеров: в конце XIX века в Англии возникло межпартийное движение «либеральных империалистов», которое в 1902 году образовало Либеральную Лигу, в состав которой вошли члены бывших либеральных правительств и даже экс-премьеры. В программных документах Лиги утверждалось, что колониальная экспансия не противоречит традиционным ценностям английского либерализма [11. Р. 99—110]. Этот казус, весьма характерный для одного из центров европейской демократии и либерализма, показывает механизм

перехода от либерализма к тому, что впоследствии будет определено как неолиберализм: он состоит в постепенном замещении одних ценностей другими, что ведет к вытеснению прежних либеральных представлений и заменой их на новые, но название при этом остается практически прежним.

Противоречивость либеральных теорий и практик во многом объясняется многоликостью либерализма: в рамках разных концепций ему приписываются исключаяющие друг друга качества и функции. С либерализмом соотносят целый ряд противостоящих друг другу социальных направлений: от неоконсерватизма, проповедующего, вопреки названию, либеральные ценности, до либертарианства, отрицающего государственные институты в принципе. Упомянем также о различиях либерализма по социальным сферам: собственно социальная, политическая, правовая, культурная, экономическая — в каждой существует свое толкование свободы, которое может противоречить ее пониманию в другом направлении. Например, правовое понимание свободы в течение двух столетий основывается на соблюдении принципа гармонии множества свобод: моя свобода заканчивается там, где начинается свобода другого (Декларация прав человека и гражданина), т.е. свобода является одной из функций права. Но существует и социальное понимание свободы, согласно которому интересы индивида не могут быть выше интересов общества, что, разумеется, может являться источником конфликта и обвинений в нарушении свободы (личной или общественной). Возможно и телеологическое истолкование свободы, когда она объявляется целью, которую только стремится достичь общество и т.д.

Библиографический список

- [1] Бодрийяр Ж. Фатальные стратегии. М., 2017.
- [2] Гегель Г.В.Ф. Философия права. М., 1990.
- [3] Гоббс Т. О гражданине // Сочинения в 2-х тт. Т. 1. М., 1989.
- [4] Гюго В. Речь при открытии конгресса 21 августа 1849 года // Гюго В. Собрание сочинений в 15-ти тт. Т. 15. М., 1956.
- [5] Дёринг Д. Либерализм: размышление о свободе. М., 2001.
- [6] Кьеркегор С. Или—или. Фрагмент из жизни. СПб., 2011.
- [7] Ойкен В. Основные принципы экономической политики. М., 1995.
- [8] Хайек фон Ф. Дорога к рабству. М., 2010.
- [9] Godwin W. Enquiry Concerning Political Justice, and Its Influence on General Virtue and Happiness. L., 1793.
- [10] Diogenes Laertius. Vitae philosophorum.
- [11] Halévy É. Imperialism and the Rise of Labour. N.Y., 1951.
- [12] Köhler W. Crash 2009 — Die neue Weltwirtschaftskrise. Murnau am Staffelsee, 2009.
- [13] Mirowski P., Plehwe D. The Road from Mont Pelerin: The Making of the Neoliberal Thought Collective. Harvard, 2009.
- [14] Moravcsik A. The Golden Moment // Newsweek. March 26, 2007.
- [15] Plato. Res publica.
- [16] Rodbertus K. Zur Beleuchtung der socialen Frage. B., 1875.
- [17] Thomas Aquinas. Sancti Thomae de Aquino Summa Theologiae.
- [18] Turner R.S. Neo-Liberal Ideology: History, Concepts and Policies. Edinburgh, 2008.
- [19] Vargas Llosa M. Liberalism in the new millennium // Global Fortune: The Stumble and Rise of World Capitalism. Washington, 2000.

DOI: 10.22363/2313-2272-2019-19-3-553-562

An essay on neoliberalism*

A.V. Shabaga

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)

Miklukho-Maklaya St., 6, Moscow, 117198, Russia

(e-mail: schabaga@gmail.com)

Abstract. A comparison of liberalism and neoliberalism shows that conceptual contradictions of liberal ideas arise in the liberal hypostatization of various forms of social being. Therefore, the political liberalism will contradict the cultural one, and the legal liberalism will contradict the economic one. However, there are no fundamental differences between liberalism and neoliberalism: both are based on the same values and differ only in the sphere of their application. Liberalism, as a political practice, is intended mainly for the domestic use, while neoliberalism rather for the external use. In other words, neoliberalism, being an integral part of liberalism, presents the foreign-policy dimension of liberal concepts. Foreign policy is inherently aggressive: a number of French revolutionary governments should be recognized as the earliest forerunners of modern neoliberals. For instance, the foreign policy of the Convent clearly outgrew the liberal ideas of the Enlightenment and was aimed at enforcing liberalization on the European scale. The essence of liberalism is manifested in ousting the previous, partly traditional social, political and economic practices and in replacing them with the unified ones that should become the norm for the humankind. Neoliberals prefer to push their influence through the institutional pressure by using international non-governmental organizations, transnational companies, and the associated leaders of a number of countries of different levels of development. These organizations recruit personnel for management all around the world and constantly shuffle them, move from one country to another to create a new management culture intended for the neoliberal model of the global scale. The goal of neoliberals is almost the same as the goals of liberals (one can argue only about the means) and presents their foreign-policy version: neoliberals aim at reformatting the social space on the global scale by the abolition of the old states and introduction of a new social-political system, which is obviously manifested in the European Union, where the former states are gradually replaced by the regions, and the social policy aims at developing a new-European identity.

Key words: neoliberalism; liberalism; new social space; liberal imperialism; social doctrines; new identity

References

- [1] Baudrillard J. *Fatalnye strategii* [Fatal Strategies]. Moscow; 2017 (In Russ.).
- [2] Hegel G.W.F. *Filosofiya prava* [Philosophy of Right]. Moscow; 1990 (In Russ.).
- [3] Hobbes T. O grazhdanine [On the citizen]. *Collected Works*. Vol. 1. Moscow; 1989 (In Russ.).
- [4] Hugo V. Rech pri otkrytii kongressa 21 avgusta 1849 goda [Opening speech at the International Peace Congress in Paris, August 21, 1849]. *Collected Works*. Vol. 15. Moscow; 1956 (In Russ.).
- [5] Doering D. *Liberalism: razmyshleniya o svobode* [Liberalism: An Attempt of Freedom]. Moscow; 1995 (In Russ.).
- [6] Eucken W. *Osnovnye printsipy ekonomicheskoy politiki* [Principles of Economic Policy]. Moscow; 2017 (In Russ.).
- [7] Kierkegaard S. *Ili-ili* [Either/Or]. Moscow; 2011 (In Russ.).
- [8] Hayek von F. *Doroga k rabstvu* [The Road to Serfdom]. Moscow; 2010 (In Russ.).

* © Shabaga A.V., 2019.

The article was submitted on 28.01.2019. The article was accepted on 28.02.2019.

- [9] Godwin W. Enquiry Concerning Political Justice, and Its Influence on General Virtue and Happiness. London; 1793.
- [10] Diogenes Laertius. *Vitae philosophorum* [Lives and Opinions of Eminent Philosophers].
- [11] Halévy É. *Imperialism and the Rise of Labour*. New York; 1951.
- [12] Köhler W. *Crash 2009 — Die neue Weltwirtschaftskrise*. Murnau am Staffelsee; 2009.
- [13] Mirowski P., Plehwe D. *The Road from Mont Pelerin: The Making of the Neoliberal Thought Collective*. Harvard; 2009.
- [14] Moravcsik A. The Golden Moment. *Newsweek*. March 26, 2007.
- [15] Plato. *Res publica* [The Republic].
- [16] Rodbertus K. *Zur Beleuchtung der socialen Frage*. Berlin; 1875.
- [17] Thomas Aquinas. *Sancti Thomae de Aquino Summa Theologiae* [The Sum of Theology].
- [18] Turner R.S. *Neo-Liberal Ideology: History, Concepts and Policies*. Edinburgh; 2008.
- [19] Vargas Llosa M. Liberalism in the new millennium. *Global Fortune: The Stumble and Rise of World Capitalism*. Washington; 2000.